

К 70-летию Нюрнбергского процесса

РУДЕНКО

Главный обвинитель
Нюрнбергского трибунала

Александр ЗВЯГИНЦЕВ

К 70-летию Нюрнбергского процесса

Александр Звягинцев

**Руденко. Главный обвинитель
Нюрнбергского трибунала**

«ЭКСМО»

2016

УДК 347.963(47+57)
ББК 67.72

Звягинцев А. Г.

Руденко. Главный обвинитель Нюрнбергского трибунала /
А. Г. Звягинцев — «Эксмо», 2016 — (К 70-летию Нюрнбергского
процесса)

ISBN 978-5-699-91711-2

Роман Андреевич Руденко был Генеральным прокурором СССР с 1953 по 1981 год – никто ни до него, ни после не занимал этот пост так долго – 27 лет. Руденко принимал участие во многих громких процессах. В 1953 г. вел следствие по делу Берии. В 1960 г. – выступал главным обвинителем на процессе Ф. Пауэрса. Но главным делом Р. Руденко остался «процесс века» – Нюрнбергский трибунал, на котором он выступал обвинителем от СССР. Биография Романа Руденко – в некотором смысле биография советской прокуратуры, создателем и одновременно «продуктом» которой он был. Роман Руденко служил закону – каким бы этот закон ни был, – полагая, что беззаконие порождает куда более тяжкие и страшные последствия. На его месте в то «известное время» вполне мог оказаться кто-то другой. И еще неизвестно, смог бы он сделать меньше дурного или больше хорошего.

УДК 347.963(47+57)

ББК 67.72

ISBN 978-5-699-91711-2

© Звягинцев А. Г., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Накануне. Вместо предисловия	7
Предшественник	12
Глава I	16
Коллеги и соратники	18
Коллеги и соратники	20
Коллеги и соратники	27
Громкое дело. Рогинский	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Александр Звягинцев
Руденко. Главный обвинитель
Нюрнбергского трибунала**

© Звягинцев А., 2016

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Накануне. Вместо предисловия

Мы не законодатели, но мы исполнители закона, проводники. Без нас его некому исполнять.

Эту мысль великий русский историк и философ Василий Ключевский записывает в 1907 году.

Кому, как не Ключевскому, было знать, что законопослушание во все времена не было самой большой добродетелью в России. «Не я виноват, что в русской истории мало обращают внимания на право, – писал он в те же годы. – Меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права. Юрист строгий, и только юрист ничего не поймет в русской истории, как целомудренная фельдшерица никогда не поймет целомудренного акушера».

Российская империя все время своего существования была, конечно, не столько страной законов, сколько страной многовековых обычаев и традиций. По наезженной столетиями колее стремилась свой полет русская птица-тройка и в те годы, когда русский историк размышлял о предназначении защитников закона. И всего только десять лет оставалось до величайшего потрясения, которое опрокинет все старое устройство русского мира, унесет миллионы жизней, потрясет весь мир.

И случится это во многом потому, что русские люди потеряют всякую веру в силы закона и законной власти, отвернутся от него, придут к убеждению, что жить по законам, подчиняться им уже невозможно.

В социологии есть специальное понятие – аномия. Так называют время, когда в обществе по тем или иным причинам происходит падение престижа права как такового. Когда законы и общепринятые нормы перестают оказывать воздействие на поведение людей. Аномия возникает тогда, когда все больше и больше людей проникается мыслью, что свои права они не могут реализовать правовыми способами. Когда окружающая реальность буквально побуждает к двойной морали, вынуждает искать обходные пути для удовлетворения даже насущных нужд. В такие времена происходят переоценка и отрицание всех прежних ценностей, ломаются стереотипы поведения, в буквальном смысле меняется культурный код, жизнь общества перестает регулироваться правом, а само оно распадается на корпоративные группы и партии, в которых действует своя мораль, складываются свои ценности, принимаются свои законы, попирающие все прежние. И горе той стране, которую поражает эта болезнь!

Вот почему в словах русского мыслителя, обращенных к тем, кто способен думать и понимать, не только горечь оттого, что «мы – не законодатели», но и ясное понимание – зато «мы исполнители закона, проводники». И гордость – «без нас его некому исполнять». И ясное понимание своего высокого предназначения.

Тут – завет всем российским служителям права. Нынешним и будущим. Как бы ни был несовершенен закон, как бы ни дурны были власть и общество, закон должен быть соблюден, должен исполняться. Потому что его отсутствие порождает куда более тяжкие и страшные последствия. И потому – служи праву, коли взялся, не за страх, но за совесть. Ибо больше некому!

Запомним эти слова, эти мысли. Ибо в них ключ к пониманию судьбы и деятельности героя этой книги. Судьба была непростой, деятельность невозможно оценить лишь в одних тонах, но если в них были стержень и смысл, то они – именно в словах русского историка.

Не случайно повествование начато с этих слов Ключевского. Ведь они написаны как раз в то время, когда наш герой появился на свет. Давайте вспомним, что это были за годы в истории государства Российского.

Роман Руденко родился 17 (30) июля 1907 года, а 3 июня этого года считается днем действительного окончания первой русской революции. В этот день царское правительство объявило о роспуске Государственной думы и об изменении Положения о выборах. Событие вошло в историю как Третьеиюньский государственный переворот. Самодержавный режим на первый взгляд выглядел победившей стороной – власть и собственность остались у тех же социальных слоев, однако устои самодержавия были основательно подорваны.

И все-таки российская жизнь после революции сильно преобразилась. 1907 год – начало экономического подъема страны. Он продлится до 1914 года, когда загрохочут пушки Первой мировой войны и полетят в тартарары многовековые монархии, могущественные империи, а миллионы и миллионы людей примут смерть и страдания, не понимая их цели и смысла.

Но все это еще впереди, а пока Россия набирает силы, выходя из многолетнего затяжного кризиса. У нее еще семь лет в запасе. И жизнь на ее просторах бурлит и бьется в новых берегах, которые расширила и размыла первая революция.

Вот о чем писали газеты тогда, сто лет назад, летом 1907 года...

«НОВОЕ ВРЕМЯ»

Закладка Храма-памятника

Сегодня на Ходынском поле состоялась закладка храма, который будет служить памятником бывшему московскому генерал-губернатору и командующему войсками Московского военного округа великому князю Сергею Александровичу и всем верным долгу и присяге слугам Царским, павшим от руки злодеев-революционеров при исполнении долга службы Царю и Отечеству.

По распоряжению администрации у газетчиков отбирался первый номер вновь вышедшей газеты «Известия», под редакторством (члена Государственной думы) П. С. Ширского.

Послушный муж

Василий Кодрив, 28 лет, получив от жены 6 рублей денег на расход по дому, пропил их. Когда провинившийся муж вернулся домой, жена, узнав про его поступок, стала бранить его и в раздражении крикнула: «Лучше бы в Фонтанку бросился, чем кровные деньги пропивать!» Кодрив, на которого слова жены произвели сильное впечатление, последовал указанию супруги и у дома № 74 бросился в Фонтанку. Он стал тонуть, но был спасен яличником, доставившим его в Обуховскую больницу, где состоялось трогательное примирение мужа с прибывшей тотчас же женой.

«РУССКОЕ СЛОВО»

Съезд в Англии

По распоряжению Министерства внутренних дел департаментом полиции командированы в Англию на съезд социал-демократов агенты охраны, которым поручено собрать все необходимые сведения о съезде, а также о лицах, прибывших на съезд из России.

Ухтицкая нефть

Самым животрепещущим вопросом нашей жизни, бесспорно, является разработка нефти на Ухте: о ней говорят и в крестьянских избах и в хоромах богачей, так как развитие этой промышленности будет первым шагом к пробуждению Севера.

«ВРЕМЯ»

Группа женщин, принадлежащих к обществу женского равноправия, образовали «Союз кадеток». Союз признает, что кроме экономических домогательств существуют и политические.

«ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА»

Публика виновата?

По слухам, пароходовладельцем Шитовым сделано заявление судебному следователю о том, что главной причиной гибели парохода «Архангельск» являются сами пассажиры, которых обуяла как бы беспричинная паника в тот момент, когда пароход врезался в льдину и накренился на один бок. Уж не привлечь ли к ответственности утонувших?

Не ищу красоты, а ищу доброты

Мне 30 л., одинокий, представительный, имею службу и средства, не имею знакомства, прибегаю к объявлению, желаю познакомиться с интеллигентной дамой, которая бы мне помогла 1000 руб. для моего интеллиг. безпроигрышного предприятия. Деньги возвращу через 6 мес. Согласен на все умные и выгодные для обеих сторон условия. Отношусь серьезно и прошу серьезного ответа. Главн. почтамт до востребов. предьяв. подписн. бил. на журн. «Нива» на 1907 г. № 34289.

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОК»

К арестам шайки экспроприаторов

На этих днях охранной полиции удалось наконец раскрыть большую и сложную, по-видимому, организацию экспроприаторов, совершивших за последние месяцы несколько крупных ограблений, как, например, в университете и в 54 почтовом отделении на Петербургской стороне. В скромной комнатке на Ямской проживал предводитель шайки под фамилией Гробовский с своей подругой. Их выследили и Гробовского арестовали близ его дома, а в квартире устроили западню. В глухой отдаленной Кавалергардской улице в трущобном доме, в маленькой полуподвальной квартирке, был открыт склад разрывных снарядов.

Подвиги автомобилистов на Невском

Безалаберная быстрая езда подгулявших автомобилистов причиняет немало горя обывателям. Чуть ли не ежедневно тот или другой «шикарный мотор» с «девицами и кавалерами» опрокидывает и давит прохожих на центральной улице – на Невском проспекте. Пора, давно пора обуздать безобразную, ненужную скорую езду моторов.

«РУССКОЕ СЛОВО»

Дума

Президиумом Государственной думы вновь поднят вопрос о необходимости в ближайшее время рассмотреть проект о постройке нового здания для Думы. Главные мотивы необходимости скорейшей постройки – неудобство размещения комиссий и фракций в Таврическом дворце, теснота, а также желание сохранить в нетронутom виде этот дворец как исторический памятник.

На Кавказе

На хуторе Романовском, Кубанской области, между толпой, собравшейся поговорить о Государственной думе, и казаками произошло кровавое столкновение. Много избитых и раненых.

Полтава

Полтавский отдел Союза русского народа обратился к председателю совета министров с ходатайством испросить разрешение Государя Императора

на вступление учеников средних учебных заведений в число членов союза. Государю благоугодно было указать на то, что русские начала должны прививать юношеству русская школа и наука. Лишь выросшая телом и духом молодежь может принять участие в общественной жизни страны и быть истинным оплотом царя и России.

Лондон

Собрание членов съезда социал-демократов, называемого здесь «Секретной думой русских социалистов», состоялось в составе 68 членов, в Каррингтонгаузе, в помещении совета лондонского графства Дептфорд.

Большой пожар на реке Москве

Третьего дня в 12 1/2 час ночи на реке Москве около Симонова монастыря вспыхнул пожар. Загорелось на барке Златоверова прессованное сено, принадлежащее Хохлову, Аникееву и Кавунникову. Пожар продолжался вчера целый день. На пожаре работало до 1000 пожарных, кроме судорабочих. В огне погибло 30 тыс. пудов сена. Предполагают, что его случайно подожгли ночевавшие на барке «босяки».

Вот так и текла в 1907 году жизнь. Согласитесь, вполне, даже слишком привычная для нас, сегодняшних. Бомжи, аферисты, пьяные водители, дерущийся Кавказ, капризничающие депутаты, козни в Лондоне, рапортующая о своих достижениях полиция, хлопоты о русских началах...

Но были еще события и перемены в правоохранительной сфере и деревенской жизни той поры. Они имели самое непосредственное отношение к родившемуся тогда Роману Руденко – с первой будет связана вся его сознательная жизнь, а вот его детство и юность пройдут в условиях переживающей бурные потрясения деревни той поры, ибо появился он на свет в Черниговской губернии Российской империи в многодетной семье крестьянина-бедняка.

Эти годы у многих современников оставили более чем нерадостные воспоминания. По официальным сведениям, только за 1907–1909 годы от рук революционеров погибло в России 5946 должностных лиц. Перепуганная власть словно решила отыгаться за пережитые страхи. Штрафовались и закрывались нелояльные газеты и журналы. «После роспуска второй Думы мы взяли в тиски печать мерами административными и призвали к порядку эту «мать революции», – писал премьер-министр П. А. Столыпин министру юстиции И. Г. Щегловитову. Однако сам Щегловитов по этому поводу язвительно шутил: «Паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя борются с эпилептиками революции».

Но вернуть страну к дореволюционным порядкам, настроениям и политическим взглядам было уже невозможно. Какой бы ни была Государственная дума, но она действовала, впервые представительный орган был наделен законодательными правами. Сложилась многопартийная система, пресса отбивалась от накидываемой на нее узды.

«Распад глубок и носит явные следы растерянности, которые нигде и никогда к добру не приводят, – писал Н. А. Маклакову Иван Григорьевич Щегловитов. – Растерялись у нас теперь, когда штурм власти еще не последовал, а что сделают, когда штурм действительно произойдет? Таков роковой вопрос, который напрашивается сам собой».

Предшественник

Что символично, заправлявший в те годы в правоохранительной сфере Иван Григорьевич Щегловитов, как и Руденко, тоже был уроженцем Черниговской губернии.

Вот только происходил он не из крестьян, а из потомственных дворян Черниговской губернии, где у его отца было имение и полторы тысячи десятин земли. Он родился 13 февраля 1861 года. В 20 лет, окончив с золотой медалью Императорское училище правоведения, начал службу при прокуроре С.-Петербургского окружного суда в чине титулярного советника. Трудоспособный, усидчивый, умный, хорошо знающий законодательство, особенно уголовное, Иван Григорьевич обратил на себя внимание начальства.

Его первая самостоятельная должность – товарищ прокурора Нижегородского окружного суда. Весной 1887 года возвратился в столицу, где занял должность товарища прокурора С.-Петербургского окружного суда. Одно из самых первых поручений, данных ему в столице, присутствие при казни «первомартовцев» – Александра Ильича Ульянова и его товарищей, покушавшихся на жизнь императора Александра III и приговоренных за это к повешению. Позднее Щегловитов рассказывал, что воспринял это поручение как «чрезвычайно тяжелое». Он говорил, что ночевать ему пришлось в Шлиссельбургской крепости, и всю ночь он не сомкнул глаз. Утром, надеясь получить телеграмму о Высочайшем помиловании, принимал все меры к тому, чтобы оттянуть казнь. И только после настойчивых требований коменданта крепости и жандармского офицера казнь состоялась.

Постепенно Щегловитов приобретает опыт и повышается в чинах. Все отмечают его старательность, даже основательность во всем, за что бы он ни брался, а также блестящие способности и великолепную теоретическую подготовку. Он сумел проявить себя не только хорошим организатором работы, но и блестящим судебным оратором. Запоминающую обвинительную речь он произнес по крупному уголовному процессу о подлоге духовного завещания миллионера Грибанова.

Современники отмечали, что в те годы Щегловитов «читил Судебные уставы и возражал против нажима на суд». Именно по его инициативе министр юстиции издал даже циркуляр о праве присяжных заседателей ходатайствовать об облегчении участи осужденных.

В молодости Щегловитов «не чужд был и свободолюбивых речей». Ему приходилось давать заключения по самым разнообразным делам, причем их содержательная часть всегда отличалась высоким профессионализмом, основательностью и глубиной, что отмечал даже такой требовательный юрист, каковым был А. Ф. Кони. Последнему, например, очень понравилось заключение Щегловитова по делу Семёнова, в котором обер-прокурор убедительно разъяснил, что в уголовном процессе слова «виновен» и «совершил» – не синонимы.

Будучи обер-прокурором Правительствующего сената, Щегловитов выполнил ряд ответственных поручений первостепенной важности, чем обратил на себя внимание Высочайшего двора. Ему было доверено выполнение прокурорских обязанностей в Особом присутствии Правительствующего сената по так называемому «Делу о злодеянии, жертвой коего пал великий князь Сергей Александрович».

Обвинительный акт был составлен Щегловитовым 23 марта 1905 года. «Злоумышленником» оказался И. П. Каляев, член боевой организации партии социалистов-революционеров. Каляева осудили и приговорили к смертной казни через повешение. Выслушав приговор, он заявил: «Я счастлив вашим приговором и надеюсь, что вы исполните его надо мною так же открыто и всенародно, как я исполнил приговор партии. Учитесь мужественно смотреть в глаза надвигающейся революции». Казнь состоялась в ночь на 10 мая 1905 года в Шлиссельбургской крепости. Пройдет время, и Щегловитов наверняка не раз вспомнит и казнь Александра Ульянова, и слова Каляева.

Иван Григорьевич с восторгом воспринял известие о подписании государем Манифеста от 17 октября 1905 года и искренне приветствовал начавшееся в империи преобразование государственного аппарата, созыв первой Государственной думы. Он даже участвовал в выработке некоторых последовавших вслед за Манифестом законодательных актов, в частности указа от 21 октября, «даровавшего» облегчение всем государственным преступникам, или, как их стали тогда называть, «пострадавшим за деятельность в предшествующий период».

24 апреля 1906 года Щегловитов назначается министром юстиции и генерал-прокурором. На этой высокой должности оставался девять лет, несмотря на частую смену председателей Совета министров. Ему одновременно были вверены посты статс-секретаря императора, члена Государственного совета и сенатора.

Назначение Щегловитова вызвало неоднозначную реакцию. У одних сдержанную, у других – откровенно враждебную. С. Ю. Витте писал впоследствии: «Это самое ужасное назначение из всех назначений министров после моего ухода, в течение этих последних лет и до настоящего времени. Щегловитов, можно сказать, уничтожил суд».

Если в молодости И. Г. Щегловитов ратовал за судебную независимость, приветствовал демократические преобразования, то теперь, утвердившись в должности министра юстиции и генерал-прокурора, он, по словам современников, «круто повернул вправо». Он перестал считаться с принципом несменяемости судей и судебных следователей, зачастую изгонял со своих мест неугодных ему судебных работников и прокуроров, а на руководящие должности подбирал людей «более твердых, более монархически настроенных».

На одном из заседаний Государственной думы Щегловитов сказал: «Тяжелые годы смуты и политического шатания возлагали на Министерство юстиции сугубые обязанности ограждения русского суда от засорения всем тем, что отражает в себе колеблющееся, меняющееся общественное движение и настроение и партийные вождения. Между тем общее политическое шатание не может не коснуться суда, как ни прискорбно это явление. Волны бушующих политических страстей докатились и до святой храмины правосудия...»

Нападки на меня не смущают, они бледнеют и гаснут перед величием лежащей на мне обязанности охранить тот храм, который именуется храмом правосудия, во всей чистоте». Однако очевидно было, что Щегловитов уже не чувствует себя не только проводником законов и их исполнителем, но считает себя вправе относиться к нему избирательно, решая, что целесообразно в сложившейся ситуации, а что нет.

Деятельность Щегловитова подвергалась критике со всех сторон. Социал-революционеры, считая Щегловитова главным проводником репрессий в стране, вынесли ему смертный приговор и долгое время «охотились» за ним, но все их попытки не увенчались успехом.

По мнению современников, щегловитовская юстиция самым печальным образом отразилась на деятельности тогдашнего суда. Никогда еще со времени введения Судебных уставов 1864 года судебные установления не падали так низко в общественном мнении. Современник считал, что при нем «вплоть до Сената судебные учреждения насквозь пропитались угодливостью, разлагающей все устои правосудия».

С именем Щегловитова прочно связано и так называемое одиозное дело Бейлиса, который в конце концов оказался оправданным, несмотря на все подлоги и подтасовки.

В июле 1915 года, под давлением демократических кругов, император вынужден был отправить Щегловитова в отставку с поста министра юстиции (сохранив ему остальные должности). Однако вскоре он опять возвысился. В январе 1917 года Щегловитову довелось стать последним царским председателем Государственного совета.

Февральская революция застала председателя Государственного совета Щегловитова врасплох. Он был арестован одним из первых. Иван Григорьевич не пытался ни сопротивляться, ни скрыться, а сразу же беспрекословно подчинился победителям. Арест происходил так. В первый же день революции, днем, на квартиру Щегловитова заявился никому не извест-

ный студент, типичный представитель выплеснутой на улицу революционной массы, который привел с собой нескольких вооруженных людей. От имени революционного народа он объявил Щегловитова арестованным. Его вывели на улицу в чем захватили – в одном сюртуке, не дав даже накинуть пальто или шубу, хотя мороз на улице был изрядный. Так и провели его без одежды до здания Государственной думы, по хорошо известному ему маршруту. Юрист и законник, он не мог не понимать, что творится самое настоящее беззаконие и произвол, но подчинился беспрекословно, словно понимая, что время законов прошло и настало время произвола и жестокой силы.

Щегловитова ввели в Екатерининский зал. Там, сконфуженный и растерянный, красный от холода, а возможно и от волнения, высокий ростом, он был похож на затравленного зверя. Ему предложили стул, и он сел. Кто-то дал папиросу, которую он закурил. Находившиеся в зале люди с любопытством разглядывали некогда грозного министра юстиции и руководителя царской прокуратуры. Теперь он никому не был страшен.

В это время появился председатель Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко, только что возглавивший так называемый Временный комитет думы. Он приветливо обратился к Щегловитову, обнял за талию и предложил пройти в свой кабинет, но арестовавшие Щегловитова люди запротестовали, сказав, что не отпустят его без приказа Александра Керенского. Тот вскоре появился.

Вот как описывает дальнейшие события очевидец: «Удивительный контраст представляли собой встретившиеся Щегловитов и Керенский. Первый высокий, плотный, седой и красный, а второй видом совершенно юноша, тоненький, безусый и бледный. Керенский подошел и сказал Щегловитову, что он арестован революционной властью. Впервые тогда было сказано это слово, сказано, что существует революционная власть и что приходится с этой властью считаться и даже ей подчиняться». Господин Керенский тогда еще не предполагал, как скоро «революционная власть» выскользнет из его рук, и уже другие от ее имени будут вершить свой суд, определять, кто прав, кто виноват...

Щегловитов вместе с другими арестованными высшими царскими сановниками содержался в Петропавловской крепости. Чрезвычайная следственная комиссия, созданная Временным правительством, предъявила ему обвинения в злоупотреблении служебным положением, превышении власти и других преступлениях. После Октябрьской революции его перевели в Москву и поместили в Бутырскую тюрьму.

5 сентября 1918 года по приговору Верховного революционного трибунала Иван Григорьевич Щегловитов был расстрелян. В заключении и во время казни он вел себя очень достойно. Но что он передумал и пережил за эти дни, мы уже никогда не узнаем. Это был действительно незаурядный человек, но и такие люди оказываются бессильны что-либо предотвратить или переменить, когда на страну и на них накатывает неумолимый девятый вал истории...

А теперь обратимся к деревенской жизни. В 1907 году, когда родился Роман Андреевич Руденко, ее сотрясали иные страсти. Началась реформа всего сельского уклада, известная как «столыпинская». Конечный смысл ее составляла ускоренная ломка сельской общины, создание крепких индивидуальных крестьянских хозяйств. «Надо вбить клин в общину!» – провозгласил премьер Столыпин, понимая, что крестьянам, рассредоточенным по хуторам, надо будет браться за дело и, конечно, будет уже не до бунтарства. Всего за годы реформ из общины вышло около трех миллионов домохозяев. Однако нельзя не признать, что властям в конечном итоге не удалось ни разрушить до конца общину, ни создать достаточно массовый слой крестьян-фермеров. За 1906–1916 годы в Сибирь уехало больше трех миллионов человек. В основном это были молодые, сильные, уверенные в себе люди, которые сумели распахать нетронутые до того земли. Большинство переселенцев сумело обустроиться на новом месте, завести

прочное хозяйство, хотя было и немало таких, что возвращались домой, не сумев совладать с суровым характером государыни Сибири...

Глава I «Колебаний не было»

Андрей Руденко был мужиком суровым, решительным до такой степени, что его и собственные сыновья побаивались. С таким характером ему и испытания Сибирью были не страшны, и, наверное, сорвался бы он с родных мест, двинул по «столыпинскому призыву» за удачей за Урал, где земли было – немерено... На родине-то он имел лишь одну четверть десятины земли и, чтобы прокормить семейство, работал по найму, в основном плотничал. И жена его, как это часто бывало у малоземельных крестьян, батрачила. Но, зная, не судьба была ему испытать себя на новых просторах. Беременная жена, дети... Куда с такой обузой в Сибирь?

Уже после Октябрьской революции Андрей Руденко получил от Советской власти еще немного земли, но семья жила так же трудно, еле-еле сводила концы с концами. В 1929 году Андрей Руденко вступил в колхоз. Ну а колхозная жизнь – вещь известная. К этому времени в семье Руденко было уже шесть сыновей и две дочери.

Сын Роман, родившийся в 1907 году, рос парнишкой сметливым, бойким, любил верховодить, за что товарищи дали ему прозвище Ватажок. Старший брат, Николай Андреевич, вспоминая детство, отмечал особо его тягу к учению, собранность и дисциплинированность в школе. Учителя всегда ставили Романа в пример другим ученикам, говорили, что далеко пойдут. Как в воду глядели.

Но ходить в школу Роману пришлось недолго. Окончив в 1922 году семилетку в Носовке, он начал помогать родителям по хозяйству. Летом же занимался пасти скот. В 1924 году поступил на сахарный завод, где стал чернорабочим. В так называемый «производственный» сезон подвизался на сушке и мойке, а в остальное время – выполнял различные поручения в совхозе от этого же завода.

На заводе Роман стал комсомольским активистом – ему нравилось участвовать в построении нового мира, «без эксплуататоров и хозяев». В заводском клубе, благодаря его энергии и активности, кипели диспуты и споры, организовывались модные тогда политические суды, в которых он громил врагов революции и социализма. Пока еще в виде игры. К тому времени он уже и сам вел политические занятия, поскольку сильно обогнал в знаниях большинство ровесников и тех, кто постарше.

В декабре 1925 года на Носовской районной конференции комсомола Романа Руденко избрали членом райкома, а на пленуме он вошел и в бюро райкома. Он становился перспективным молодым кадром. Оставив работу на сахарном заводе, начинающий комсомольский руководитель стал в райкоме заниматься культурной и пропагандистской деятельностью, одновременно работал инспектором в райисполкоме. В декабре 1926 года, в девятнадцать лет, вступил в большевистскую партию. Перед парнем открывались хорошие перспективы...

В апреле 1927 года Роман Руденко возглавил культотдел Носовского райисполкома, а еще через год переехал в город Нежин Черниговской области, где его назначили инспектором окружного комитета рабоче-крестьянской инспекции.

Так началась его работа по борьбе с различного рода злоупотреблениями и нарушениями закона, которой он будет заниматься уже всю жизнь.

Отличительной чертой молодого инспектора Романа Руденко была основательность. Каждое поручение он выполнял на совесть, не отлынивал от черновых дел. К тому же он уже хорошо разбирался в политике – то есть линию партии знал досконально и никогда в ней не сомневался. Даже когда она весьма круто менялась. Дисциплина – его конек.

Тогда же он уже более основательно познакомился с юриспруденцией, с уголовным процессом – ему частенько приходилось выступать общественным обвинителем в суде. Активно занимался он и журналистикой – печатал заметки и статьи в местных газетах. Видел в этом и пользу для работы и понимал, что зарабатывает себе таким образом имя, которое становится известно и наверху.

Итак, молодой активный коммунист Руденко разделял и поддерживал политику партии безоговорочно. Как он сам писал в анкетах, «колебаний не было, в оппозициях не участвовал». Такие люди в те времена ценились, партийные комитеты примечали их и «бросали» на самые трудные участки. Туда, где нужны были, прежде всего, убежденность и неколебимость.

В 1922 году была образована Советская прокуратура. Нужда в кадрах для нее была отчаянная. В стране просто грамотных людей тогда было немного. А уж юридически подкованных – тем более. А тут молодой, партийный, в газетах пишет, в судах выступает, с нарушителями революционной законности борется... Руденко заприметили.

В ноябре 1929 года окружной комитет партии принял решение о «мобилизации» молодого коммуниста Романа Руденко в прокуратуру. Так он стал старшим следователем окружной прокуратуры в городе Нежине. С этого времени вплоть до последнего дня своей жизни (более пятидесяти лет) Роман Андреевич служил в прокуратуре, пройдя по всем ее основным ступеням.

На следственной работе Руденко пробыл семь месяцев, а затем его «перекинули» в город Чернигов, где он стал уже помощником окружного прокурора. Здесь также задержался ненадолго. Уже через четыре месяца, в октябре 1930 года, 23-летний Роман Руденко получил свою первую самостоятельную должность – он возглавил Бериславскую районную прокуратуру Николаевской области.

Заместитель Нежинского окружного прокурора Гориловский и секретарь судебного заседания Бериславского народного суда Пижук, работавшие вместе с Романом Андреевичем в конце двадцатых – начале тридцатых годов, отмечали его природную скромность, доброжелательность, умение располагать к себе людей, привлекать их на работу в прокуратуру, создавать рабочую обстановку в коллективе. А наряду с этим – умение твердо отстаивать свою точку зрения.

Руденко работал, не считаясь с личным временем, не стеснялся советоваться с более опытными сослуживцами, никаких сомнительных историй за ним не числилось. Так что карьерный рост был обеспечен.

В 1931 году Руденко назначили помощником мариупольского городского прокурора (в Донбассе). В декабре 1932 года он переводится в город Донецк, где становится старшим помощником областного прокурора, а в октябре 1933 года он возглавляет прокуратуру в городе Макеевке Сталинской области.

Только здесь он задержался почти на два с половиной года. В марте 1936 года Руденко получил довольно высокий пост – заместителя прокурора Донецкой области, а еще через полтора года сам возглавил эту прокуратуру. Несколько слов о тех, кто тогда был рядом с ним.

Коллеги и соратники

Леонид Иванович Яченин родился в 1897 году в Минской губернии в семье крестьянина-бедняка. В 1915 году работал в Москве в автомастерской. Был призван в царскую армию на фронт.

В начале 1918 года его записали в Красную армию, где он был водителем броневика; воевал под Царицыном в составе Конной армии. За боевые заслуги Леонид Иванович награжден именным оружием и часами, а также орденом Красной Звезды. После демобилизации в 1924 году работал прокурором города Умани. Занимал ряд других важных должностей.

В период с 7 октября 1931 года по 22 апреля 1932 года в городе Сталино (Донецк) возглавлял межрайонную прокуратуру, затем Леонида Ивановича направляют на работу в партийные органы – его избрали секретарем Покровского районного комитета партии.

В мае 1937 года Леонид Иванович назначен заместителем прокурора УССР по спецделам, в августе 1937 года – прокурором республики.

С 23 июня 1944 года переведен на службу в Красную армию.

Во время Великой Отечественной войны – генерал-майор юстиции, председатель военного трибунала фронта. Затем в Москве занимал ответственные должности в органах Прокуратуры Союза ССР. Награжден многими орденами и медалями.

После образования Донецкой области 20 сентября 1932 года постановлением ВУЦИК и СНК были образованы Донецкая областная прокуратура и Донецкий областной суд.

5 августа 1932 года первым прокурором области утвержден **Константин Емельянович Волевач**, который работал на этой должности до 7 августа 1934 года. В июне 1937 года его арестовали как «участника контрреволюционной деятельности». Приговором военной коллегии Верховного суда СССР от 14 сентября 1937 года он был признан виновным и приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. 20 сентября 1937 года приговор был приведен в исполнение. Спустя 19 лет Волевача реабилитировали, дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

С августа 1934 года по 28 августа 1937 года прокуратуру Донецкой области возглавлял **Владимир Александрович Кумпекевич**, который до этого работал прокурором Днепропетровской области. 1 апреля 1938 года арестован как участник антисоветской организации. 28 октября 1939 года уголовное дело в отношении его было прекращено, из-под стражи его освободили.

После Руденко прокуратуру Донецкой области возглавил **Петр Фомич Нощенко** и проработал на этой должности с декабря 1940 года по декабрь 1945 года.

В 1938 году Донецкая область была разукрупнена на Сталинскую и Ворошиловградскую.

Руденко остался работать прокурором Сталинской области. Быстрое выдвижение было характерной чертой того времени. И не только потому, что «молодым везде у нас дорога», но и потому, что набравший силу сталинский террор постоянно освобождал рабочие «высокие» кресла даже самых профессиональных и заслуженных работников...

Несмотря на столь быстрый карьерный рост, голова Руденко не закружилась от успехов. Он хорошо понимал, что без прочных юридических знаний не обойтись. Еще в 1936 году Руденко поступил на заочное отделение Харьковского института советского строительства и права. Однако из-за жесточайшей загруженности на работе сумел закончить только один курс – и двуязычный Руденко мог уставать.

В то время Руденко уже пользовался высоким авторитетом в среде партийных и советских функционеров – был членом горкома партии и горсовета (в Бериславе и Макеевке), членом ревизионной комиссии обкома партии (в Сталино), депутатом горсовета. В качестве деле-

гата принимал участие в районных и областных партийных конференциях. Больше того – с правом совещательного голоса присутствовал на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года. А это уже означало принадлежность к номенклатуре весьма высокого ранга.

Его знал и ценил Н. С. Хрущев, ставший в феврале 1938 года первым секретарем ЦК компартии Украины, а в марте следующего года – одновременно и членом Политбюро. Роман Андреевич был на хорошем счету и в Прокуратуре Союза ССР. Ходили слухи, что, когда в июне 1939 года встал вопрос о назначении нового Прокурора СССР, А. Я. Вышинский, уходивший на должность заместителя Председателя Совнаркома СССР, предложил оставляемое им кресло Руденко, но Хрущев «заартачился», не желая отпускать от себя толкового прокурора, и назначение тогда не состоялось. Прокурором Союза ССР стал тогда М. И. Панкратьев.

Коллеги и соратники

Андрей Януарьевич Вышинский родился 28 ноября (10 декабря) 1883 года в Одессе, в семье аптечного работника и учительницы музыки. Вскоре родители переехали в Баку – этот город он называл «своей настоящей родиной».

После окончания классической гимназии имени императора Александра III в 1901 году Вышинский поступил на юридический факультет Киевского университета, но завершить учебу ему удалось лишь через 12 лет. За участие в студенческих беспорядках в феврале 1902 года он был исключен из университета и вернулся в Баку, где занял скромную должность бухгалтера и сблизился с местными социал-демократами, а в 1904 году вступил в бакинскую организацию РСДРП (меньшевиков).

Будучи темпераментным оратором, Вышинский выступал на митингах и собраниях со страстными речами против самодержавия, эсеров и черносотенцев, создал боевую дружину из нескольких сотен рабочих. В апреле 1908 года Вышинский под кличкой Рыжий был осужден Тифлисской судебной палатой по статье 129 Уголовного уложения, предусматривавшей ответственность за произнесение или чтение публично речи или сочинения, возбуждающего к ниспровержению существующего строя.

Его приговорили к одному году заключения в крепости. Наказание он отбывал в Баилловской тюрьме. Меньшевик Вышинский нередко оказывался в центре дискуссий, которые происходили в камере. Его оппонентом был арестант-большевик по кличке Коба. Так состоялось знакомство со Сталиным.

После освобождения из тюрьмы Вышинский сумел восстановиться в Киевском университете. Из-за блестящих способностей его оставили на юридическом факультете для подготовки к профессорскому званию на кафедре уголовного права, но ректор не захотел видеть у себя политически неблагонадежного. Тогда Вышинский вернулся в Баку, где стал работать репортером.

В 1915 году он приехал в Москву и два года работал помощником у Павла Николаевича Малянтовича – знаменитого адвоката, специализировавшегося на политических делах. У Малянтовича был еще один помощник – А. Ф. Керенский. После Февральской революции, став комиссаром милиции, Вышинский ревностно выполнял указания Временного правительства, в том числе по розыску Ленина, скрывавшегося от властей после июльских событий 1917 года. Забегая вперед, скажу, что этот факт был для него своеобразным дамокловым мечом. Превосходный оратор и талантливый юрист, он просто хотел жить, а приходилось выживать. Порой за счет других. Именно из-за этого он вмиг оказался низвергнутым с пьедестала «народного обличителя», как только в стране повеяло политической оттепелью.

Октябрьская революция застала Вышинского на посту председателя Якиманской районной управы. Он не сразу поддержал большевиков. По наблюдениям близко знавших его людей, перелом наступил осенью 1918 года, когда произошла революция в Германии. В 1920 году Вышинский вступил в ВКП(б). Это дало ему возможность, не без поддержки Сталина, за несколько лет сделать неплохую карьеру.

Правда, карьера эта была связана с неприглядными «громкими» делами. Но о том, что эти дела сфабрикованы, люди узнали позже, а тогда... Если выступал Вышинский, вся страна принакала к радиоприемникам, зачитывалась его речами, опубликованными в газетах, – до того ярко и доходчиво он рассуждал о справедливости действий товарища Сталина и вредительском поведении некоторых асоциальных элементов, взяточников например... Красноречие его не знало границ. Вышинский праздновал победу еще до начала сражения, зная, что все процессы – спектакли, где каждый, в том числе обвиняемые, послушно исполняет предназначенную ему роль, в то время как сам он один из режиссеров-постановщиков драматического

действия. Будучи профессором Московского университета, Вышинский принял активное участие в ликвидации факультета общественных наук, что фактически упразднило преподавание истории как науки. Сразу после этого в 1925 году предприимчивый профессор стал ректором МГУ, а также членом Комиссии законодательных предложений при Совнаркоме СССР.

11 мая 1931 года Вышинский был назначен Прокурором РСФСР, сменив на этом посту Н. В. Крыленко, ставшего народным комиссаром юстиции республики. Об Андрее Януарьевиче заговорили как о новой восходящей звезде на юридическом небосклоне.

20 июня 1933 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР». Первым Прокурором СССР был назначен известный государственный и политический деятель Иван Алексеевич Акулов, который не был юристом и не имел высшего образования. А. Я. Вышинский стал его заместителем.

Одним из первых громких дел, в расследовании которого принял участие Вышинский уже в новом качестве, было дело об убийстве члена Президиума ЦИК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) С. М. Кирова.

3 марта 1935 года ЦИК СССР назначил Вышинского Прокурором СССР. Вышинский услужливо и безропотно выполнял роль главного инквизитора вождя. Он завладел всеми ключевыми позициями юридической науки и практики. Бывший прокурор РСФСР А. А. Волин, работавший с Вышинским, рассказывал, что в то время «всюду был слышен голос только его одного. Вообще говоря, Андрей Януарьевич настолько мог приспосабливаться к ситуации, что даже в наступившее демократическое время вполне пробился бы во власть, причем играл бы не последнюю скрипку».

В декабре 1937 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР, а 12 января 1938 года открылась его 1-я сессия. В последний день сессии А. Я. Вышинский был вновь назначен Прокурором Союза ССР сроком на семь лет (по новой Конституции СССР). От имени Совета Старейшин Совета Союза и Совета Национальностей его кандидатуру представил депутат Г. И. Петровский. В своей речи он сказал, что Вышинский всем «известен по своим выступлениям на судебных процессах против врагов народа, разоблаченных нашими славными органами Наркомвнудела под руководством Николая Ивановича Ежова».

21–22 мая 1938 года в Москве прошло очередное Всесоюзное совещание прокуроров. Доклад, как всегда, сделал А. Я. Вышинский. Лейтмотивом его выступления был вопрос о перестройке работы органов прокуратуры в соответствии с требованиями новой Конституции СССР. Хотя перестройку он понимал весьма своеобразно, что наглядно показывает даже такой небольшой отрывок из доклада.

«Едва ли найдется хоть один честный работник в системе прокуратуры, который не сознавал бы со всей очевидностью этой жгучей потребности – перестроить всю систему нашей работы, – сказал он. – Нет ни одного честного прокурорского работника, который не ощущал бы в самой резкой форме необходимости окончательно добить, я бы сказал, затесавшихся в наши ряды врагов, вырвать с корнем изменников и предателей, которые, к сожалению, оказались и в среде прокурорских работников. Пересмотреть отношение к работе каждого из наших работников, даже в том случае, если он не поколебал к себе политического доверия, пересмотреть, следовательно, всю систему нашей работы, всю методику нашей работы для того, чтобы с обновленными уже в значительной степени кадрами взяться по-настоящему, по-большевистски за решение задач, которые с такой остротой, силой и требовательностью стоят перед нами, – вот в чем заключается смысл и сущность перестройки нашей работы».

В докладе Вышинский много внимания уделил общему надзору прокуратуры, следствию, подготовке прокурорско-следственных кадров. Говоря о «вредительстве» в области права, не преминул пнуть уже арестованного бывшего наркома юстиции СССР Н. В. Крыленко, который «проводил», по его словам, в своих статьях и книгах «вредительские взгляды и мыслишки». Происходивший в стране разгул репрессий в отношении простых людей Вышинский пытался

изобразить как происки пробравшихся в органы «враждебных элементов», которые «преступной работой» подрывали авторитет «советского правопорядка». С этой целью он привел ряд действительно вопиющих случаев нарушения законности и необоснованного возбуждения уголовных дел.

На совещании Вышинский вел себя уверенно, напористо и даже грубо.

Он обрывал прокуроров на полуслове, делал замечания, иронизировал.

Когда слово для выступления было предоставлено прокурору Омской области Бусоргину, последний начал рассказывать о состоянии надзорной работы в прокуратуре, причем ничего не сказал о нарушениях законности, выявленных в прокуратуре, за что и был снят его заместитель. Через несколько минут Вышинский резко оборвал его. Произошел следующий диалог.

«— Мы предъявили вам тягчайшее обвинение. Эти безобразия делались при вас или без вас? Дайте оценку своим действиям.

— Ряд дел относится непосредственно к моей работе. Я допустил грубейшую политическую ошибку тем, что по ряду дел не проверял поступающие материалы.

— А почему не проверяли?

— Я остался один.

— Как — один? Сколько у вас в аппарате людей?

— Тогда было 12 помощников.

— Хорош один — 12 помощников, сам тринадцатый. Вы читали дела, которые вы направили в суд по 58-7, скажите честно?

— Не читал.

— Почему не читали?

— Потому, что доверял докладчикам.

— Почему доверяли?

— Потому, что полагал, что они читали материалы и установили то, о чем говорится в деле.

— Значит, просто «на глаз».

— Нет, если нужно было, то я читал показания свидетелей.

— Что значит «если нужно было»? Вы сами обязаны были взять дело в руки, проверить его и только тогда подписывать обвинительные заключения. Почему вы этого не делали?

— Я не имел времени.

— Аресты прокурорам вы санкционировали?

— Санкционировал только в одном случае.

— То есть как это — только в одном случае?

— Нет, но когда товарищи выезжали в район, я давал согласие.

— На что?

— На арест, в случае, если они представят мотивированное сообщение.

— А санкцию вы давали?

— Нет, я узнавал в последующем.

— Какой же вы прокурор? Сколько честных людей вы посадили в тюрьму?

— Мы в отношении 14 человек прекратили дела».

Присутствующие на совещании заместитель Прокурора СССР Рогинский и прокурор Фаркин, выезжавший в область, этот факт опровергли. После этого Вышинский задал еще ряд вопросов и закончил так:

«— Ясное дело, что он не прокурор. В отношении деятельности т. Бусоргина мною назначено расследование.

Думаю, что можно вопрос считать исчерпанным и предоставить слово следующему товарищу. Сейчас уже ясно, что такие люди, как Бусоргин, недостойны занимать должность прокурора и выступать на нашем совещании.

Думаю, следующей нашей мерой будет – предложить Бусоргину покинуть наше совещание».

Вскоре после этого Бусоргин был арестован и осужден.

Массовые аресты 1936–1938 годов нанесли непоправимый урон народному хозяйству страны. Многие наркоматы, предприятия и организации были в буквальном смысле обезглавлены, оказались без лучших специалистов. Особенно пострадали оборонные отрасли промышленности.

Острую «нехватку кадров» испытывали и судебно-прокурорские органы. К началу 1938 года в прокуратуру было принято около двух тысяч новых, профессионально неподготовленных работников, которые стали прокурорами и следователями. И все же, несмотря на это, оставалось большое количество вакантных мест, а в некоторых районах вообще не было прокуроров.

В те годы, вследствие образовавшегося из-за репрессий дефицита руководящих кадров, на должности прокуроров республик, краев и областей стали назначаться молодые районные прокуроры, которые отсутствием должного практического опыта в работе с лихвой компенсировали неудержимой энергией, напористостью, целеустремленностью и неутомимостью.

Заместителем, а затем и Прокурором РСФСР был назначен прокурор Смольнинского района Ленинграда Волин, прокурором Белорусской ССР стал 32-летний прокурор Советского района Москвы Новик, прокурором Мордовской АССР – бывший прокурор Ростокинского района Москвы Трубоченко.

Политическое настроение в стране было гнетущим. Никто не был застрахован от ночного стука в дверь. В высших партийных и правительственных кругах понимали, что ситуация вот-вот перехлестнет через край.

В такой обстановке пленум ЦК ВКП(б) в январе 1938 года принял известное постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков».

Постановление фактически возлагало ответственность за массовые репрессии людей на местные партийные органы, которые поддались «на происки врагов».

После этого по предложению Сталина была создана комиссия по проверке деятельности НКВД, в которую вошли Берия (ставший в августе 1938 года заместителем наркома внутренних дел) и Маленков (отвечавший в ЦК партии за кадры). По предложению комиссии 17 ноября 1938 года Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (подписанное Молотовым и Сталиным), которое, признавая «перегибы» в деле арестов людей и привлечения их к ответственности, приостановило массовые репрессии в стране.

В декабре 1938 года Ежов был смещен с поста наркома внутренних дел. Вслед за этим началась «чистка» самих органов внутренних дел. Были арестованы и затем расстреляны бывший нарком Ежов, его заместители Фриновский, Заковский, Реденс, руководители многих отделов наркомата и областных отделов НКВД, следователи, занимавшиеся политическими делами.

Вышинский быстро сориентировался в новой обстановке и сразу же натянул на себя тогу «радетеля за законность». Он даже внес предложение в ЦК ВКП(б) и Совнаркоме СССР об изъятии из ведения Особого совещания дел о контрреволюционных преступлениях и передаче их в суды. Он быстро «сдал» и некоторых прокуроров якобы за «причастность» к массовым необоснованным арестам. Тогда были осуждены судебно-прокурорские работники Омской, Восточно-Казахстанской, Смоленской и некоторых других областей. Он стал поддерживать и начавшуюся реабилитацию ранее осужденных лиц, хотя массовое освобождение их из тюрем и лагерей произошло уже при Прокуроре Союза ССР Панкратьеве.

Теперь он и на всех проводимых совещаниях «громил» прокуроров, допускающих осуждение невинных лиц, приводя действительно творившиеся на местах (как, впрочем, и в центре) «дичайшие» случаи беззакония и произвола. На собрании актива работников Прокуратуры СССР, Прокуратуры РСФСР, Московской городской и областной прокуратур, проходившем 28 января 1938 года в здании на Пушкинской улице, А. Я. Вышинский сделал доклад «О некоторых недостатках в работе прокуратуры и мерах по их устранению». Прокурор Союза с присущим ему пафосом говорил о происках «искусно замаскированных врагов», которые более всего кричат о бдительности, а сами только и стремятся «путем проведения репрессий перебить большевистские кадры». Он упрекнул прокуроров за то, что они слишком пассивны и не вмешиваются, когда людей, исключенных из партии за какие-либо проступки, но не признанных преступниками и не осужденных, изгоняют с работы и выселяют из квартир. Подчеркнув, что ответственность должны нести только лица, чья виновность установлена, Вышинский стал говорить о положении дел в следственной части, о грубых промахах и ошибках при предании некоторых лиц суду. Он привел и некоторые «яркие» примеры.

В Ленинградской области колхозник был осужден только за то, что, «зайдя к соседу и не застав его дома, взял стоявшую на столе бутылку водки». Сторожа колхоза приговорили к одному году исправительно-трудовых работ за халатность, так как «во время его дежурства погибла корова от преждевременного отела».

В Курской области (Вышинский при этом сделал акцент на том, что прокуратуру там возглавлял «изменник», сгруппировавший вокруг себя «целую группу врагов») было создано такое «дело». На нескольких колхозников напал бык, который, как отмечалось в документах, «обычно бросался на людей». Те, естественно, стали отгонять его кто кнутом, кто хворостиной. От быка отбились, не причинив ему, впрочем, никакого вреда. Казалось бы, все обошлось благополучно. Но, к несчастью колхозников, на другой день этот бык, как было написано в обвинительном заключении, «отказался покрывать коров». Поэтому против селян, с трудом отбившихся накануне от разъяренного быка, возбудили уголовное дело по статье 79-1 УК РСФСР (умышленное изувечение скота с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства и воспрепятствования его подъему). Их судили и приговорили к исправительно-трудовым работам.

В той же Курской области двух человек осудили по части 2 статьи 74 УК РСФСР (как за особо дерзкое хулиганство), вменив им в вину то, что они, «находясь в подпитии» и выступая на собрании, «говорили не по существу».

А в Баку был устроен грандиозный показательный процесс над группой школьников от 8 до 18 лет. Обвинительное заключение было внушительное – на 108 листах. В чем конкретно провинились ребята, красноречиво свидетельствуют, в частности, такие эпизоды их «преступной деятельности».

Двое 13-летних мальчиков обвинялись в «злонамеренном укрытии берета одной девочки». Другие подростки попали под суд лишь за то, что они «ловили детей на улице», чем якобы нарушали общественный порядок (дети просто играли в так называемые «салки» или «пятнашки»). Прокурор, бывший одним из организаторов этого «процесса», явился на него в нетрезвом виде, а когда ребяташки-подсудимые стали кричать, что прокурор пьян, он вытащил из кармана наган и стал с его помощью «прокладывать себе дорогу к прокурорскому месту».

В связи с «кадровым голодом» (текучесть кадров из-за сплошных репрессий и гонений, мизерной зарплаты и тяжелых условий труда к началу 1939 года достигала 25–50 процентов) Вышинский обратил свой взор на так называемых «социалистических совместителей», которые должны были хоть как-то заткнуть образовавшиеся кадровые бреши.

Соцсовместители особенно популярными стали после XVII съезда ВКП(б), который указал на необходимость «развернуть и качественно поднять оправдавшее себя шефство предприятий над госучреждениями и социалистическое совместительство работы на производстве с работой в госучреждениях». Они, по существу, были общественными помощниками проку-

роров и следователей и выполняли те или иные их поручения: проверяли заявления и жалобы, составляли проекты документов (в частности, протестов и др.), выступали наряду с прокурором в суде в качестве обвинителей и т. п. Нередко в последующем соцсовместители переходили на работу в органы прокуратуры.

4 апреля 1939 года в Прокуратуре Союза ССР состоялось совещание соцсовместителей – рабочих московских заводов им. 1905 года и «Динамо» имени Кирова. Доклад сделал сам Вышинский. На совещании выступили соцсовместители, работавшие в отделе жалоб, гражданском и уголовно-судебном отделах Прокуратуры Союза ССР, железнодорожной прокуратуре и др. О своей работе в прокуратуре поделились впечатлениями мастера кузнечного и вагонно-пассажирского цехов завода им. 1905 года К. И. Чумаков, А. Г. Лашенков и Я. Ф. Самохвалов, член завкома завода «Динамо» В. В. Баранов, мастер сталелитейного цеха, плановик цеха машинно-постоянного тока и приемщик продукции 2-го аппаратного цеха этого же завода Н. В. Трифонов, С. И. Лисенков и С. М. Сметанников.

После этого совещания Вышинский издал приказ от 16 апреля 1939 года «О мероприятиях по усилению работы органов прокуратуры с активом», в котором предложил широко развернуть организацию групп содействия на предприятиях, в колхозах и учреждениях, а также по привлечению в органы прокуратуры соцсовместителей. Он поставил задачу, чтобы в каждой районной и городской прокуратуре было по 1–2 соцсовместителя, а в прокуратурах краев и областей – минимум по 10–15. Наряду с этим предложил в двух-трехмесячный срок вовлечь 60–100 соцсовместителей в работу Прокуратуры Союза ССР.

Вышинский ревностно исполнял свои обязанности, стараясь преданным служением «отцу народов» загладить свое меньшевистское прошлое и боясь, что ему припомнят не только «грехи молодости», но и деяния настоящего. Ведь он знал очень многое. Не мог Вышинский не помнить и о том, какая судьба постигла Николая Васильевича Крыленко, которого он сменил в 1931 году на должности Прокурора РСФСР. Однако Вышинского, как ни странно, не репрессировали.

Незаметно оставив свой пост, в 1940 году Андрей Януарьевич уходит «в дипломатию» и становится заместителем наркома иностранных дел – ведь он прекрасно знал многие европейские языки, имел острое мышление и был хорошо образован.

С первых дней работы в Наркоминделе Вышинский занимался отношениями СССР со странами формировавшейся антигитлеровской коалиции, прежде всего с Великобританией.

В октябре 1943 года в Москве состоялась конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, которая рассматривала вопросы сокращения сроков войны против гитлеровской Германии и открытия второго фронта. Для участия в работе Европейской консультативной комиссии Вышинский выехал в Алжир. В феврале 1945 года Андрей Януарьевич Вышинский – член советской делегации на Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав.

Победоносное завершение войны было ознаменовано 9 мая 1945 года подписанием Германией акта о безоговорочной капитуляции. Привез текст акта в Берлин Вышинский, оказавший маршалу Жукову правовую поддержку в столь ответственный момент. Фотография, сделанная на процедуре подписания, зафиксировала его присутствие. После короткого пребывания в Москве он вновь, в составе советской делегации, едет в июле в Берлин на Потсдамскую конференцию. В январе 1946 года советское правительство назначило Вышинского главой делегации СССР на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Прямо связан с его именем Нюрнбергский процесс. Вышинский руководил работой советской делегации, с его мнением считались союзники. Приезды Андрея Януарьевича в Нюрнберг становились событием для всего трибунала. Однажды Главный обвинитель от США Р. Х. Джексон устроил в его честь прием и ужин в «Гранд-отеле». На другой день ответную

встречу организовала советская сторона, а затем всех пригласили к себе англичане. Д. Ирвинг отмечал, что к Вышинскому с особым вниманием относились зарубежные коллеги. Ощущая себя представителем Сталина, он чувствовал себя хозяином положения и за столом мог позволить кроме остроумных и благодушных тостов тосты нетактичные. 1 декабря 1945 года на банкете в его честь, устроенном Д. М. Файфом, участником обвинения от Великобритании, он поднял бокал «за самых лучших и благородных союзников СССР – англичан и американцев». Оскорбленные французы демонстративно покинули зал...

Невозможно представить, что это была оговорка. Вышинский не мог допустить подобных промахов. Скорее всего, будучи рупором Сталина, Вышинский в своем застольном спиче напомнил французам о недовольстве советского руководства слишком быстрой капитуляцией Франции под натиском фашистской Германии.

В 1949 году Вышинский становится министром иностранных дел, а 5 марта 1953 года, в день смерти Сталина, освобождается от этой должности. Теперь его назначают постоянным представителем СССР при Организации Объединенных Наций в ранге замминистра. В Нью-Йорке он дал волю своей артистической натуре, и на концертные номера, в которые он по старой привычке превращал свои речи, собиралось много людей.

Человек с моментальной реакцией, блестящей эрудицией, богатейшим лексическим запасом, он славился непредсказуемыми выходками. «Вот он, поджигатель войны!» – мог крикнуть Вышинский, указывая на человека пальцем. 22 ноября 1954 года, за час до начала очередного выступления, во время диктовки предстоящей речи по поводу создания Международного агентства по атомной энергии, он скоропостижно скончался. После его смерти в сейфе нашли заряженный браунинг, что породило ложные слухи о самоубийстве Вышинского.

Грозный Ягуарович, как за глаза называли его сослуживцы, был примерным семьянином – еще в 1903 году он женился на Капитолине Исидоровне Михайловой и прожил с ней в счастливом браке больше 50 лет.

Похоронен Вышинский в Москве, в Кремлевской стене на Красной площади.

Коллеги и соратники

Михаил Иванович Панкратьев родился 4 ноября 1901 года в деревне Каблуково Бежецкого уезда Тверской губернии в семье мелкого служащего.

Тяжелые жизненные обстоятельства, постоянные нужда и скудость, преследующие семью, не позволили Михаилу Панкратьеву получить в юности хорошее образование. Он сумел окончить лишь три класса церковно-приходской школы да по одному классу в начальном и реальном училищах в Бежецке. Трудиться начал с 15 лет. После Февральской революции 1917 года работал грузчиком на Виндаво-Рыбинском участке Московской железной дороги.

Когда свершился Октябрьский переворот, поступил делопроизводителем в Бежецкий уездный продовольственный комитет. В январе 1920 года он был принят в члены партии и с марта стал заведующим учетным подотделом, а после избрания в августе в члены бюро укома возглавил организационный отдел Бежецкого укома РКП(б). В мае 1921 года его призвали в Красную армию, где он служил вначале инструктором, а затем и начальником организационной части политотдела 27-й Омской стрелковой дивизии. В сентябре 1923 года молодого офицера выдвинули на должность комиссара штаба 8-й стрелковой дивизии, а в январе 1925 года он занял аналогичный пост в 22-м стрелковом полку той же дивизии.

Панкратьев служил в войсковых частях до сентября 1929 года, занимая должность военного комиссара в различных полках. За годы службы много читал, серьезно увлекался юриспруденцией и даже сумел прослушать два курса юридического факультета Института красной профессуры. Все это привело его к мысли оставить строевую службу и перейти в органы прокуратуры. В апреле 1933 года при формировании корпуса железнодорожных войск его назначили военным прокурором 4-й бригады железнодорожных войск, которая обслуживала строительство железной дороги Москва – Донбасс. В марте 1933 года Главный военный прокурор переводит Панкратьева на работу в центральный аппарат. Здесь он служил в должности военного прокурора отдела, а позднее – начальником отдела и помощником Главного военного прокурора.

В апреле 1937 года Панкратьев был избран заместителем секретаря партийного комитета Прокуратуры СССР. В характеристике, подписанной секретарем парткома Горбулевым, отмечалось, что Панкратьев принимал активное участие в работе прокуратуры по выкорчевыванию врагов народа и ликвидации последствий вредительства. Сам Михаил Иванович писал в автобиографии, что он колебаний от линии партии не имел, взгляды разного рода оппозиции не разделял.

Жил он очень замкнуто, не любил ходить ни в театры, ни в гости.

20 мая 1938 года Панкратьев был назначен Прокурором РСФСР и проработал на этой должности в течение года. Он ревностно выполнял все директивы партии и правительства, а также указания и распоряжения Прокурора Союза ССР Вышинского. Последний рекомендовал его на свое место после того, как стал заместителем Председателя Совнаркома СССР. Правда, особого выбора у него и не было – после основательных и жестоких сталинских чисток кадры органов прокуратуры серьезно оскудели.

31 мая 1939 года Панкратьев занял кабинет Прокурора Союза ССР в здании на Пушкинской улице. На высоком посту он пробыл немногим более года. Первая жена Панкратьева, Ольга Сергеевна, рассказывала:

«Михаила назначили на эту должность в страшное время. Шли аресты и расстрелы людей, занимавших высокие посты. Телефон в нашей квартире на Ленинском проспекте звонил, не умолкая, хоть совсем его срезай, да нельзя. По сто раз на дню: «Помогите с Михаилом Ивановичем встретиться, умоляю!» Мне было запрещено отвечать, и я молча вешала трубку. Все равно повлиять на мужа никак не могла. Бакинский прокурор, с которым когда-то жили в

одном доме, был арестован. Его жена все время искала со мной встречи. Я жалела ее, рассказывала мужу, как она убивается, спрашивала, можно ли ей помочь. Михаил закрыл эту тему раз и навсегда. Говорить дома о его работе было запрещено... С какого-то времени Михаил стал просить, чтобы в доме был коньяк, чтоб, когда он придет с работы, бутылка стояла. Так всю ночь, бывало, за бутылкой и просидит.

А когда я забывала поставить, сердился: «Ты пойми, Оля, мне хоть рюмочку, но обязательно надо выпить».

Сколько санкций на арест и расстрел ему приходилось подписывать! Неимоверное количество! Он много подписывал, но и на пересмотр много отсылал. Не терпел никакой неясности. Когда его секретарь спрашивала, что делать с неподписанными доносами и жалобами, которые шли мешками, орал: «Рвать не читая!» Анонимки приводили мужа в ярость, его трясло. А как еще прикажете реагировать, когда от твоей подписи зависят столько жизней? У него голова шла кругом».

Выступая на Всесоюзной конференции лучших следователей, Панкратьев говорил: «Живя в капиталистическом окружении, чувствуя и осязая это окружение, мы должны всегда иметь в виду, что враг оружия не сложил. Он только меняет формы и методы борьбы. Естественно, что наши органы следствия, призванные прежде всего к борьбе с вражеской работой, не могут, не имеют права застывать как в смысле своей политической подготовки, так и в смысле профессиональных знаний и опыта. Наши следственные органы должны быть остро отточенным оружием, крепко закаленным, метко разящим. Наши следователи должны быть всесторонне политически подготовленными овладеть марксистско-ленинской теорией, хорошо знать советское право и в совершенстве усвоить методику, технику и тактику расследования преступлений». Что он мог еще тогда сказать?

29 ноября 1939 года Панкратьев и нарком юстиции СССР Рычков подписали приказ о возбуждении уголовных дел по всем фактам массового истребления колхозниками и единоличниками скота, находящегося в их личном пользовании. Такие случаи стали распространяться в Дагестане, Башкирии и некоторых других регионах под влиянием слухов о готовящемся будто бы постановлении, ограничивающем содержание поголовья скота в личном пользовании. Суду стали предаваться не только лица, допустившие хищнический убой высокопородного, племенного скота, но и подстрекатели. Колебаний в проведении линии партии Панкратьев по-прежнему не допускал.

Как Прокурор Союза ССР, к тому же не пользующийся популярностью и влиянием в верхах, Панкратьев конечно же не мог что-либо противопоставить тем беззакониям, которые продолжались в стране, хотя и не с таким размахом. Уже через несколько месяцев после назначения Панкратьева Прокурором Союза некоторые старейшие работники центрального аппарата Прокуратуры СССР обратились с письмом в ЦК ВКП(б), к тогдашнему секретарю Жданову.

Они писали о том, что «постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия указало на грубейшие искривления советских законов органами НКВД и обязало эти органы и прокуратуру не только прекратить эти преступления, но и исправить грубые нарушения законов, которые повлекли за собой массовое осуждение ни в чем не повинных, честных советских людей к разным мерам наказания, а зачастую и к расстрелам». И далее: «Эти люди – не единицы, а десятки и сотни тысяч – сидят в лагерях и ждут справедливого решения, недоумевают, за что они были арестованы и за что, по какому праву мерзавцы из банды Ежова издевались над ними, применяя средневековые пытки».

В письме напоминалось, что вместо мобилизации всех усилий на немедленное выправление преступной линии мерзавца Ежова и его преступной клики происходит обратный процесс и что пришедший на смену Вышинскому Панкратьев не может обеспечить проведение в жизнь

решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, в силу своей неавторитетности в прокурорской среде, а особенно в глазах работников НКВД.

Это наглядно проявлялось, по их мнению, в его участии в заседаниях Особого совещания, где решающее значение и окончательное слово принадлежит не представителю надзора – прокурору, а Берии и его окружению. «Присутствующий на этих совещаниях т. Панкратьев, – отмечалось в письме, – склоняет голову перед кандидатом в члены Политбюро т. Берией и молчаливо соглашается с явно неправильными решениями. Таким путем проваливаются на Особых совещаниях правильные и законные протесты Прокурора СССР при прямом попустительстве Прокурора СССР т. Панкратьева...

Подобная практика дезориентировала аппарат Прокуратуры СССР, тех честных прокуроров, которые непосредственно проверяют эти вопиющие дела, проводят за ними бессонные ночи и болеют за советских людей, невинно осужденных ежовской бандой».

Прокуроры просили секретаря ЦК ВКП(б) Жданова взяться за это дело первостепенной важности и, если нет никакой возможности изменить преступную практику, прививаемую в стенах НКВД, переменить систему, возложить на прокуратуру пересмотр дел, неправильно решенных ежовской бандой, без участия в этих делах авторитета т. Берии, который вольно или невольно культивирует защиту чести мундира работников НКВД во что бы то ни стало. «Подумайте только, – продолжали они, – что сотни тысяч людей, ни в чем не повинных, продолжают сидеть в тюрьмах и лагерях, а ведь прошел почти год со дня решения ЦК партии. Неужели это никого не беспокоит? Поговорите с прокурорами специальных прокуратур (железнодорожной, водной), и они Вам расскажут факты, от которых волосы встают дыбом, и покажут эти дела, этот позор для советской власти».

Наряду с этим прокуроры настаивали исправить грубейшую ошибку с назначением Панкратьева. «Дайте нам высокоавторитетного руководителя, способного дать по рукам и Берии».

Далее они отмечали, что их, старых работников, всегда удивляло отношение руководства партии и правительства к аппарату прокуратуры, этому острейшему оружию диктатуры пролетариата. Они напоминали о том, что прокуроров нельзя на протяжении десятка лет держать в полуголодном состоянии, не обеспечивая их материально. Даже прокуроры центрального аппарата, работающие по 10–15 лет, получали всего 650–700 рублей в месяц, тогда как полуграмотные юнцы в аппарате НКВД имели оклады в 1200–1500 рублей, а также получали за выслугу лет, обмундирование и пользовались другими благами.

Сегодня трудно понять, где здесь бесстрашие, а где наивность... Жаловаться Жданову на Берию! Считать, что их взгляды на советское правосудие чем-то отличаются! Думать, что Вышинский может бороться с беззаконием! Конечно, это обращение ничего не изменило ни в положении самих прокуроров, ни в отношении к органам прокуратуры со стороны властей.

Панкратьев продолжал оставаться на посту Прокурора Союза ССР, а НКВД по-прежнему вершило свои дела. Вот только некоторые факты. В начале 1940 года в Прокуратуру СССР поступило явно незаконное указание, подписанное заместителем Председателя СНК СССР Вышинским, предлагающее запретить судам по делам, расследованным органами госбезопасности, освобождать из-под стражи оправданных в суде граждан без согласия на это соответствующих начальников НКВД. А прокурорам запрещалось без их же согласия освобождать из-под стражи граждан, в отношении которых вынесены постановления о прекращении дел и освобождении обвиняемых из-под ареста. Таким образом, получалось, что органам НКВД фактически было предоставлено право контроля за работой прокуратуры и судов. Это указание было отменено только в мае 1953 года после смерти Сталина по представлению Прокуратуры СССР, несмотря на возражения Берии.

Необходимо заметить, что, по словам очевидцев, Панкратьев во время заседаний Особого совещания вначале пытался как-то защищать протесты прокуратуры и возражал Берии. Последний с присущей ему наглостью и бесцеремонностью, в присутствии работников НКВД

и прокуратуры однажды так отчитал его, что после этого Панкратьев вообще перестал ходить на эти совещания. А вскоре последовало снятие Панкратьева с поста Прокурора СССР.

Но при Панкратьеве появилось пресловутое решение Политбюро ЦК ВКП(б) об освобождении арестованных за контрреволюционные преступления лиц только с согласия органов НКВД.

В своих воспоминаниях бывший Главный военный прокурор Н. П. Афанасьев так рассказывает об этом. В начале 1940 года к нему, бывшему тогда заместителем Главного военного прокурора, попало заявление члена Военного совета Ленинградского военного округа Магера, арестованного за причастность к заговору Тухачевского и других военачальников. Он писал о том, что незаконно арестован, подвергается избиениям и издевательствам. Изучив дело и допросив Магера, Афанасьев выяснил, что лица, занимавшиеся им, сами арестованы за фальсификацию материалов следствия.

Тогда он предложил допросить следователя об обстоятельствах ареста Магера. Тот признался, что никаких оснований для ареста не было и что на допросах Магера избивали, наказывали стойками, не давали спать.

Афанасьев вынес постановление о прекращении дела Магера за отсутствием в его действиях состава преступления. С этим он и пошел к Панкратьеву. Тот с постановлением согласился и попросил оставить дело для изучения. Через несколько дней он вернул дело Афанасьеву, сказав при этом: «А вы что, боитесь ответственности? Зачем тут мое утверждение. Решали же вы до сих пор дела – решайте и это».

Афанасьев попытался было объяснить, что дело Магера наверняка дойдет до ЦК партии. «Ну и что? – заявил Панкратьев. – Вот тогда, если будет нужно, мы пойдем вместе в ЦК и докажем, что Магер не виноват. А сейчас давайте кончайте дело сами».

Магер был освобожден из тюрьмы. Однако, когда он явился в Наркомат обороны, а затем в ЦК партии для решения вопроса о трудоустройстве, его дело снова завертелось. Афанасьева вызвал к себе нарком внутренних дел Берия.

«Как только я вошел, – пишет Н. П. Афанасьев, – Берия стал спрашивать, на каком основании и почему я освободил из тюрьмы Магера и прекратил о нем дело. Я объяснил.

«Да, – ответил Берия, – я вот читаю его дело (оно действительно каким-то образом оказалось у него). Материалов в деле нет, это верно, и постановление правильное, но вы все равно должны были предварительно посоветоваться с нами. На Магера есть камерная агентура. Сидя в тюрьме, он ругал Советскую власть и вообще высказывал антисоветские взгляды».

Никакой агентуры в деле не было, но Берия повторил: «Надо было посоветоваться с нами, прежде чем решать дело...»

Утром, едва я пришел на работу, меня вызвал Панкратьев. Он был явно расстроен и сразу же набросился на меня: «Что вы сделали с делом Магера. Получился скандал. В дело вмешался товарищ Сталин, и теперь черт знает что может быть! И зачем было связываться с этим Магером?»

Пока Панкратьев испуганно причитал в этом роде, в кабинет вошел фельдъегерь связи НКВД и вручил ему красный пакет (в них обыкновенно рассылались важные правительственные документы, имеющие срочный характер). Приняв пакет и прочитав находящуюся там бумагу, Панкратьев вновь обратился ко мне: «Вот видите, чем обернулось для нас дело Магера?»

Бумага была выпиской из решения Политбюро ЦК за подписью Сталина. В ней значилось:

Слушали: доклад тов. Берия.

Постановили: Впредь установить, что по всем делам о контрреволюционных преступлениях, находящимся в производстве органов прокуратуры и суда, арестованные по ним могут быть освобождены из-под стражи только с согласия органов НКВД».

Громкое дело. Рогинский

Характерным для тех лет (1939) было и дело заместителя Прокурора Союза ССР Григория Константиновича Рогинского. На протяжении последних лет он был самым ближайшим сотрудником Вышинского, курировал органы НКВД, утверждал почти все обвинительные заключения по так называемым контрреволюционным делам, участвовал в подготовительных заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР, а также присутствовал при казни лиц, осужденных к расстрелу. Иногда в отсутствие Вышинского он исполнял обязанности Прокурора Союза ССР. Словом, этот человек был необходим главному инквизитору Сталина. И тем не менее Вышинский все же сдал Рогинского.

Рогинский был непосредственно причастен к гибели многих людей, чьи обвинительные заключения он так бесстрастно утверждал. Среди них немало прокурорских работников, в том числе первый Прокурор Союза ССР И. А. Акулов, нарком юстиции РСФСР и СССР Н. В. Крыленко, когда-то благодетельствовавший самого Рогинского, и другие. Направляя в суд дела в отношении бывших соратников, Рогинский, по воспоминаниям современников, не был твердо уверен и в собственной безопасности.

Во время приведения в исполнение приговора в отношении Акулова Рогинский присутствовал при казни вместе с заместителем наркома внутренних дел Фриновским. Акулов, обращаясь к Фриновскому, сказал: «Ведь вы же знаете, что я не виноват». Тогда Рогинский, который был беспокоен за себя и делал все возможное, чтобы заручиться поддержкой и доверием со стороны работников НКВД, демонстрируя свою непримиримость к врагу народа, стал осыпать бывшего Прокурора Союза ССР бранью. Впоследствии же он признавался, что далеко не убежден в действительной виновности Акулова, которого всегда считал хорошим большевиком.

Основания опасаться за свою судьбу у Рогинского были веские. Вышинский мог сдать его органам НКВД в любое время, что он и сделал 25 мая 1939 года, направив лично начальнику следственной части НКВД СССР Кобулову строго секретное письмо. В нем сообщалось, что в уголовном деле бывших судебных и прокурорских работников Красноярского края имеются данные о принадлежности Рогинского к контрреволюционной организации, якобы существующей в органах прокуратуры.

Однако до ухода Вышинского из Прокуратуры Союза ССР Рогинский продолжал выполнять свои обязанности. Карающий меч опустился на него только в августе 1939 года. Новый Прокурор Союза ССР Панкратьев 7 августа издал приказ (№ 1129), в котором нашел уважительную причину для увольнения Рогинского. В нем было сказано: «За преступное отношение к жалобам и заявлениям, поступающим в Прокуратуру Союза ССР, тов. Рогинского Григория Константиновича, несущего непосредственную ответственность за работу аппарата по жалобам и заявлениям, снять с работы заместителя Прокурора Союза ССР». На самом же деле причиной увольнения были не жалобы, которые тогда никого не интересовали, а некий мифический заговор прокуроров, в котором будто бы участвовал и Рогинский. Кстати, сам он многих прокуроров отправил под суд именно по такому же подозрению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.